

М.А. ШАБАНОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕСУРС ОСЛАБЛЕНИЯ МУСОРНОЙ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ

ШАБАНОВА Марина Андриановна – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (mshabanova@hse.ru).

Аннотация. В статье по результатам всероссийского репрезентативного исследования впервые представлены данные об уровне реального и потенциального включения населения в раздельный сбор бытовых отходов (РСБО), а также в разнообразные социально-экономические практики, снижающие (прямо или косвенно) образование мусора. Установлено, что современное пространство практик, ослабляющих мусорную проблему, весьма разнородно как по составу участников (социально-демографические характеристики, поселенческий статус, ценностные ориентации и установки и др.), так и по мотивам включения (эгоистические и/или просоциальные). Определена степень пересечения состава участников разных практик. Выявлены позиции в отношении РСБО участников (и неучастников) всех остальных видов активности. Обнаруженная фрагментарность современного пространства практик по ослаблению мусорной проблемы в России, как и степень и условия их пересечения с РСБО актуализируют разработку более комплексной политики в этой сфере, расширяющей каналы и возможности вхождения со стороны разных групп.

Ключевые слова: мусорная проблема • гражданское общество • экологическая и социальная ответственность потребителей • проэкологическое поведение • раздельный сбор бытовых отходов • социально-экономические практики

DOI: 10.31857/S013216250005481-2

Постановка проблемы. Мусорная проблема в России обостряется с каждым годом. По данным Минприроды РФ, каждый россиянин производит примерно 400 кг мусора в год. Однако перерабатывается только 5% бытового мусора¹, что в среднем в 9–10 раз меньше, чем в странах ЕС. Основная часть отправляется на свалки (официальные и неофициальные), которые, отравляя почву, воду и воздух, снижают качество жизни, создают риски здоровью и становятся причиной все более частых протестов населения («мусорные бунты», «антисвалочные митинги»). Периодические эксперименты и кампании в этой области то усиливаются, то затихают, сигнализируя о наличии ряда противоречий между интересами и ресурсами основных заинтересованных сторон. Положение усугубляется сильной погруженностью мусорной сферы в неправоное поле, ее непрозрачностью и коррумпированностью, тесной связью ряда ключевых акторов с криминальными структурами, контролируемыми «серые» свалки, незаинтересованностью в переменах со стороны управляющих и транспортных компаний, паразитирующих на вывозе мусора (откаты, левые рейсы

Статья подготовлена на основе результатов исследования, проведенного автором в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Алексей Гордеев провел встречу с комитетом ГД по экологии и охране окружающей среды // Правительство России. 2018. 19 июля. URL: <http://government.ru/news/33322/> (дата обращения: 11.03.2019).

и др.). Несмотря на это, «слабым звеном» в социальном механизме институционализации современных практик в мусорной сфере чаще всего и без каких-либо обоснований называется *население*, которое будто бы не готово или не способно включиться в решение острой проблемы.

Население (домохозяйства) – бесспорно важный (хотя, разумеется, не единственный) актор в ослаблении мусорной проблемы. Причем спектр практик, посредством которых индивиды участвуют в этом, весьма широк. Наряду с раздельным сбором бытовых отходов (РСБО), признанным в современном мире самым эффективным способом ослабления мусорной проблемы [Hoornweg, Bhada-Tata, 2012: 27], есть самые разнообразные практики, сокращающие образование мусора: от выбора в пользу долговечных сумок вместо пластиковых пакетов до передачи ненужных вещей в хорошем состоянии другим людям (вместо их выбрасывания), добровольного отказа от излишних покупок, экономии электроэнергии и воды и пр. Домохозяйства могут участвовать сразу в нескольких видах активности и включаться в них по разным причинам: одни осознанно берут на себя дополнительные издержки (затраты времени, усилий, денег) ради ослабления остроты общей проблемы, другими движут сугубо эгоистические интересы, а третьи – ищут компромисс между личными и общественными стремлениями или/и пытаются снизить дискомфорт от конфликта между ними. Однако в настоящее время практически ничего не известно ни об уровне и мотивах участия россиян в разных видах активности, ни о том, как они сопряжены (и сопряжены ли?) с РСБО.

Какие же практики по ослаблению мусорной проблемы привлекают россиян в наибольшей степени? Как они пересекаются друг с другом? Участвуют ли в сортировке мусора и сокращении образования бытовых отходов одни и те же индивиды, или разные группы выбирают приемлемые для них каналы ослабления мусорной проблемы? Как погружение в различные виды такой деятельности соотносится с участием (готовностью включиться) в РСБО? И от каких факторов и условий это зависит? Прояснение этих вопросов способствовало бы как углублению представления о современном пространстве гражданского общества, так и разработке более комплексной политики по снижению остроты мусорной проблемы в России. Цель данной работы – выявить уровень включения россиян в РСБО и другие практики, содействующие ослаблению мусорной проблемы, особенности и степень пересечения состава их участников, а также факторы расширения РСБО за счет участников этих практик.

Теоретико-методологические основания. Для осмысления природы и перспектив развития социально-экономических практик, снижающих остроту мусорной проблемы в социальной среде со слабыми институциональными «скрепами», наиболее адекватными представляются современные концепции *моральной экономики* [Sayer, 2007; Etzioni, 2003], а также *деятельностно-конструктивистский* подход к формированию новых потребительских практик [Бодрийяр, 2002; Ильин, 2000; Beck, 2001; Trentmannn 2007]. Обозначим основные теоретико-методологические положения в приложении к предмету нашего исследования.

Институциональная система в каждый момент времени основана на определенном наборе ценностей, поддерживает определенную «моральную текстуру» практик, словом, имеет моральное измерение (*moral dimensions*) [Sayer, 2007: 265]. «Моральная текстура» современных российских институтов, по сути, не поддерживает индивидов, участвующих в ослаблении мусорной проблемы, как, впрочем, не осуждает и тех, кто воздерживается от этого участия. Между тем включение в новые практики сопряжено с определенными неудобствами и дополнительными усилиями со стороны индивидов. В этих условиях на участие первоначально решается лишь малая часть энтузиастов с сильными просоциальными и экодружественными ценностями.

Индивидам одновременно присущи как эгоистические, так и морально-культурные стремления, которые могут находиться в конфликте друг с другом, что приводит к разнообразным последствиям [Etzioni, 2003: 115]. Иногда препятствия (требуемые «жертвы») на включение в новую практику настолько велики, что даже люди, озабоченные состоянием

окружающей среды и сочувствующие тем, кто проживает вблизи мусорных свалок, воздерживаются от участия. Но многие действия, как отмечал еще А. Смит, приносят выгоду одновременно и самому индивиду, и другим (т.е. не предполагают самопожертвования) [Sayer, 2007: 264], – в нашем случае это, скажем, покупка энергосберегающей бытовой техники и лампочек или отказ от одноразовых пакетов в пользу многоразовых альтернатив. Так что индивиды могут включаться в те или иные *просоциальные* практики, дабы максимизировать личную экономическую выгоду. Но чем бы ни вызывались действия, их *непреднамеренные последствия* также имеют моральное измерение [Sayer, 2007: 265–266].

Выбирая модель потребления, индивиды конструируют свою социальную идентичность, т.е. воспроизводят себя как *членов общества* [Ильин, 2000; Beck 2001; Trentmann, 2007]. По Ж. Бодрийяру, «потребление – это не пассивное состояние поглощения и присвоения... потребление есть активный модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру... потребляются не сами вещи, а именно отношения – обозначаемые и отсутствующие, включенные и исключенные одновременно; потребляется *идея отношения* через серию вещей, которая ее проявляет» [Бодрийяр, 2002: 212–215].

Разные практики, ослабляющие мусорную проблему в данной институциональной и культурной среде, могут продвигаться разными мотивами – просоциальными и/или эгоистическими. Они могут характеризоваться разным соотношением издержек и выгод, причем моральные и социальные факторы могут серьезно корректировать это соотношение [Berglund, 2006]. В частности, практически во всех исследованиях включения населения в РСБО констатируется значимая роль просоциальных факторов, социальной и экологической ответственности и озабоченности (см., напр.: [Miafodzyeva, Brandt, 2013; Arbués, Villanúaba, 2016; Iyer, Kashyap, 2007; Kirakozian, 2016]). Другой ключевой фактор – наличие способствующей инфраструктуры и институтов, определяющих объем требуемых усилий и времени со стороны индивидов (домохозяйств), информированность и добровольность и пр. (см.: [Kirakozian, 2016; Miafodzyeva, Brandt, 2013 и др.]). Сила и характер влияния как одного, так и другого фактора существенно зависят от активности других заинтересованных сторон: власти, бизнеса, НКО и пр.

Разные практики, ослабляющие мусорную проблему, изучены неодинаково. Больше всего исследований о РСБО, хотя в последние годы в ряде стран растет число исследований разных видов гражданской активности и по сокращению образования мусора. Изолированное изучение разных практик дополняется активным обращением к эффектам перетекания (*spillover*) одних в другие (когда включение в один вид поведения повышает или снижает вероятность включения в другой) и их учету в управленческих стратегиях (см., напр.: [Truelove et al., 2014; Lauren et al., 2017; Thogersen, Olander, 2003; Thogersen, Crompton, 2009; Nilsson et al., 2017] и др.). Но прежде чем продвигаться в этом направлении в России, нужно понять, как различается (пересекается) состав участников разных практик, мотивы и условия включения в них. Тем более что в России исследования РСБО делают первые шаги [Шабанова, 2019], исследований же его в сравнении и взаимосвязи с другими практиками нет вообще.

Гипотезы и данные. Основная гипотеза касается гетерогенности участников разных практик, мотивов и факторов включения в них. Неразвитая инфраструктура для РСБО, слабая информированность населения о проблеме с бытовым мусором и способах ее решения, отсутствие поощрений и санкций, неодинаковая способствующая среда в разных типах населенных пунктов, обращение преимущественно к личной экономической выгоде потребителей при продвижении установки приборов учета воды и переходе на энергосберегающее поведение позволяют выдвинуть следующие гипотезы.

H1: Современное пространство активности россиян по ослаблению мусорной проблемы весьма фрагментарно: основная часть участвует в одной-двух практиках, разные виды активности слабо сопряжены друг с другом, в частности, составы участников РСБО и практик по сокращению образования мусора пересекаются слабо.

H2: Индивиды, включающие в ядро важнейших ценности *надындивидуального* характера, с большей вероятностью включаются в РСБО, отказываются от одноразовых пакетов/

упаковок, а также передают ненужные вещи в хорошем состоянии другим людям. Их отличают и просоциальные установки (готовность объединяться с другими, если интересы и цели совпадают), членство или участие в деятельности общественных организаций. Индивиды же, включающие в ядро важнейших индивидуалистических ценности, чаще включаются в практики, сопряженные с личной выгодой: экономия электроэнергии и/или воды, бережное обращение с продуктами питания, отказ от покупки не особо нужных вещей, предметов и пр.

Н3: Чем выше личный доход индивидов, тем выше вероятность участия в передаче вещей и ниже – во всех остальных практиках, снижающих остроту мусорной проблемы.

Н4: Жители городов-миллионников активнее включаются во все виды активности, прямо или косвенно ослабляющие проблему накопления бытовых отходов.

Н5: Во всех практиках, способствующих ослаблению мусорной проблемы, активнее участвуют женщины (как более экологически обеспокоенные) и лица с высшим образованием (как более информированные и социально ответственные).

Анализ базируется на данных всероссийского репрезентативного опроса (2 тыс. чел., 2017 г.)². Наряду с дескриптивным анализом, направленным на выявление степени пересечения состава участников разных практик, а также мотивов включения в некоторые из них, для оценки связей между разными факторами и вхождением индивидов в разные практики использовался аппарат бинарной логит-регрессии. Зависимая переменная принимала два возможных значения: 1 – участник той или иной практики, ослабляющей мусорную проблему, 0 – остальные индивиды.

Социально-экономические практики россиян по ослаблению мусорной проблемы: общая характеристика. Исследование показало, что россияне уже практикуют разные виды активности, сокращающие образование бытового мусора – как *прямо* (преднамеренно), так и *косвенно* (непреднамеренный эффект от действий, направленных на решение каких-то других проблем). Правда, степень распространения, стабильность и потенциал расширения числа участников разных практик неодинаковы (табл. 1).

В настоящее время самыми массовыми и стабильными являются практики по *экономии энергии и воды*: более-менее регулярно хотя бы в одной из них участвует абсолютное большинство россиян (70%), причем без малого половина (47%) в обеих. Хотя они теснее сопряжены с более широкой (экологической) проблемой, их «эффекты» в отношении мусорной проблемы также весьма значимы. Атомные электростанции порождают проблему радиоактивных отходов, экзодержательная переработка которых еще ждет своего решения; а угольная пыль тепловых электростанций загрязняет воздух углекислым газом («атмосферным мусором»), воду и др. Экономия воды помогает сберечь энергоресурсы, расходуемые на ее обеззараживание на насосно-фильтровальных станциях, доставку потребителям, очистку сточных вод («водного мусора»). Тем более что по официальным данным, в настоящее время сбрасывают в водоемы очищенную воду лишь 11% стоков³.

Наименее распространены практики по сокращению использования *одноразовых пластиковых пакетов*, а также покупка товаров в *перерабатываемой/разлагаемой упаковке*, с *минимальной упаковкой* или *вообще без нее* (7,5 и 4% соответственно). В общей сложности хотя бы в одном из этих видов активности участвует каждый десятый респондент. «Пакетно-упаковочные» практики имеют самые низкие коэффициенты стабильности, что указывает на наличие определенных проблем с адаптацией участников к ним. В то же время коэффициенты замещения весьма высоки (табл. 1). Не требуя от участников дополнительных расходов, они обладают хорошими перспективами развития, особенно при усилении уже стартовавшего курса на информирование потребителей в этой области, а также работу НКО с крупными торговыми сетями.

²Выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная, ошибка выборки не превышает 2,6%, метод – формализованное интервью.

³Генпрокуратура: свалки занимают 4 млн гектаров территории России // Агентство социальной информации. 2018. 28 июня. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/06/28/svalki-genprokuratura/> (дата обращения: 11.03.2019).

Таблица 1

**Участие россиян в РСБО и практиках по сокращению образования мусора:
реальное включение и намерения (в % от числа ответивших)**

Практики	Делают в настоящее время	Намерены делать в ближайшие 1–2 года	k стабильности*	k замещения**
Сортировка и перемещение бытовых отходов в специально установленные раздельные контейнеры, пункты приема	13	29	0,81	7,78
Сокращение использования одноразовых пластиковых пакетов; отказ от них в пользу долговечных сумок	7,5	14	0,65	3,35
Покупка товаров в перерабатываемой/разлагаемой упаковке, с минимальной упаковкой или вообще без нее	4	8	0,56	3,82
Передача ненужных вещей в хорошем состоянии в храмы, благотворительные магазины, пункты социальной помощи	17	23,5	0,70	2,27
Передача ненужной одежды, мебели, бытовой техники друзьям, знакомым, соседям	32	33	0,75	1,07
Покупка ровно такого количества продуктов питания, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего	43	48	0,81	1,56
Отказ от покупок не особо нужных вещей, от избыточного потребления	18	19	0,73	1,16
Использование энергосберегающей бытовой техники, энергосберегающих лампочек, выключение света в пустом помещении	59	62	0,87	1,35
Экономия воды: избегание ситуаций, когда во время умывания или стирки вода течет напрасно	57	64	0,91	2,26

Примечания. *Коэффициент стабильности – отношение числа намеренных продолжать ту или иную практику потребления в ближайшие год–два к общему числу включенных в нее в настоящее время.

**Коэффициент замещения – отношение числа намеренных включиться в данную практику к числу намеренных отказаться от нее в ближайшие год–два.

Раздельный сбор бытовых отходов сегодня относится также к мало распространенным практикам: в нем участвует 13% респондентов («реальные участники»). Группа намеренных в ближайшие год–два включиться («потенциальные участники», 19%) вкупе с намеренными продолжить участвовать в РСБО составляет 29%. Основная же часть россиян (68%) не только не участвует, но в ближайшие год–два и не собирается делать это («индифферентные»). Однако РСБО имеет высокие коэффициенты стабильности и с большим отрывом лидирует по коэффициенту замещения (табл. 1), что указывает на наличие хорошей социальной базы для его развития в России.

Характерная черта современного пространства практик по ослаблению мусорной проблемы – высокая *фрагментарность*: 25% респондентов участвуют только в какой-нибудь одной практике, 30% – в двух, 19% – в трех и лишь 12% – в 4–7.

В принципе, в условиях слаборазвитой инфраструктуры для РСБО заинтересованные индивиды вполне могли бы включаться в разные практики по минимизации объемов бытового мусора. В первую очередь это сокращение или полный отказ от использования одноразовых пластиковых пакетов, а также покупка товаров в перерабатываемой (или разлагаемой) упаковке, с минимальной упаковкой или вообще без нее. Но, несмотря на

то что упаковка – основная часть бытовых отходов (по разным оценкам, ее доля достигает 60–70%), даже нынешние участники РСБО мало осознают эту проблему и в большинстве своем пока не собираются менять привычные модели потребительского поведения. Так, 75% из их числа не только не отказываются от употребления одноразовых пакетов в настоящее время, но и не собираются делать это в ближайшие год-два, 83% – реализуют аналогичную модель поведения в отношении перерабатываемой (разлагаемой, минимальной) упаковки или полного отказа от нее. В целом в РСБО и/или наиболее тесно связанных с образованием мусора «пакетно-упаковочных» практиках в настоящее время участвует лишь 21% россиян, причем 18% – в какой-либо одной и лишь 3% – в 2–3-х.

Примечательно, что нынешние участники РСБО уступают участникам всех остальных практик как по экономии энергии и воды, так и относительно покупки ровно такого количества продуктов, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего («продуктов ровно») (табл. 2). Они занимают весьма умеренные позиции и в отношении отказа от покупок не особо нужных вещей, от избыточного потребления («нет лишних покупок»). Возможно, за этим скрываются известные эффекты «морального лицензирования» (moral licensing) или «этики вклада» (contribution ethic), когда люди воздерживаются от включения в новые виды поведения по ослаблению конкретной проблемы, если считают, что уже внесли посильный вклад и могут «почивать на лаврах» [Truelove et al., 2014; Thøgersen, Crompton, 2009]. Тем более что по передаче ненужных вещей другим людям, прямо не связываемой в массовом сознании с мусорной проблемой, их позиции весьма продвинуты (54 против 38,5% по массиву в целом).

Таблица 2

Области пересечения отдельных практик, ослабляющих мусорную проблему, с другими практиками (в % по столбцу)

Обозначение практик	РСБО	«Пакеты»	«Упаковки»	«Нет лишних покупок»	«Продуктов ровно»	«Экономия ресурсов»	«Передача вещей»	В целом
РСБО	X	19	27	17	13	12	18	13
«Пакеты»	11	X	32	14	10	9	12,5	7,5
«Упаковки»	8	16	X	6	4	4	6	4
«Нет лишних покупок»	24	33	29	X	28	23	22	18
«Продуктов ровно»	44	59	51	67,5	X	54	50	43
«Экономия ресурсов»	67	81	79	89	87	X	76	70
«Передача вещей»	54	64	59	47,5	45	42	X	38,5

Наиболее активно включаются в действия, прямо или косвенно ослабляющие проблему с мусором, люди, минимизирующие использование одноразовых пакетов («пакеты») и упаковок («упаковки») (табл. 2). Отказ от избыточного потребления («нет лишних покупок») в наибольшей степени пересекается как с рациональным отношением к покупкам продуктов, дабы не выбрасывать лишнего («продуктов ровно»), так и с экономией энергии/воды («экономия ресурсов»). Скорее, это блок практик, продвигаемых не столько заботой об общественной выгоде, сколько личной заинтересованностью в экономии.

Таким образом, в настоящее время россияне – осознанно или неосознанно – содействуют снижению остроты мусорной проблемы посредством весьма разных практик. Хотя бы в одну из них включены 86% россиян. Однако в большинстве своем эти практики слабо сопряжены друг с другом. Для понимания потенциала расширения числа участников каждой из них важно знать мотивы включения в них россиян.

Мотивы участия в разных практиках. В наиболее массовых практиках, таких как экономия электроэнергии и/или воды, с большим отрывом лидируют экономические мотивы, а в менее распространенных, таких как РСБО, – просоциальные и проэкологические. Так, 69% от числа экономящих энергию/воду делают это сугубо для того, чтобы сократить коммунальные платежи; желанием внести вклад в сбережение природы, окружающей среды руководствуются совсем немногие (4%), а тем и другим в равной степени – 24%. Причем среди тех, кто участвует только по экологическим мотивам, разочаровавшихся (намеренных в ближайшие год–два прервать участие) гораздо больше: 17 против 8–9% в других группах.

Подобная зависимость характерна и для отказа от покупок не особо нужных вещей, от избыточного потребления. Абсолютное большинство (76%) главной причиной называют ухудшение материального положения, приведшее к нехватке денег на «лишние» вещи. Хотя респонденты могли назвать две главных причины, 68% ограничились одной, сугубо экономической, и лишь 8% подкрепили ее другими основаниями. С большим отрывом уступает главной желание меньше работать, больше времени уделять семье, любимым занятиям (14%). Стремление вносить вклад в сбережение природы, окружающей среды главной причиной назвали 16% (в том числе, у 9% она единственная). И опять – именно среди последних больше всего разочаровавшихся (намеренных в ближайшие год–два прервать участие): 36 против 18% – при добровольном (желание меньше работать) и 26% – при вынужденном (ухудшение материального положения) упрощении потребительских стандартов.

Принципиально иные основания для «входа» демонстрируют нынешние участники РСБО. Поскольку сегодня это сугубо добровольная практика (экономические и социальные поощрения-санкции в этой сфере отсутствуют), то с большим отрывом лидируют мотивы *надындивидуального* характера: желание ощущать себя человеком, ответственным за состояние окружающей среды (47%); стремление вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений (36%); убежденность в экономической выгоды подобных действий для общества в целом (29%). Кроме того, 37% объясняют свое участие стремлением делать то, что, по их мнению, должны делать все. По этому основанию нынешние участники опережают остальных в два раза. В общей сложности на те или иные компоненты «зеленого морального индекса», объединяющего эти четыре основания [Berglund, 2006: 564], указали 88% нынешних участников РСБО.

Что касается соображений сугубо *индивидуальной* выгоды (экономической или неэкономической), то в настоящее время они не играют заметной роли. Экономическую выгоду для домохозяйства назвали 10% респондентов, а желание создать у людей впечатление о себе как об ответственном человеке – 4%. В итоге хотя бы одну из двух выгод личного характера назвали лишь 11% респондентов. Второстепенная роль эгоистических мотивов не случайна: культурные нормы еще не сложились, а экономические выигрыши невелики и представляют интерес лишь для особых социальных групп (в первую очередь дворников-гастарбайтеров и лиц без определенного места жительства).

Столь сильные различия в мотивах включения в отдельные практики могут свидетельствовать о значимых различиях в составе их участников.

Гетерогенность участников разных практик. Для выявления гетерогенности участников использовался аппарат *бинарной* логит-регрессии. Имеющаяся информация позволяет оценить связи между вхождением в разные практики и следующими характеристиками индивидов: пол, возраст, уровень образования, личный доход в предыдущем месяце, тип населенного пункта, особенности ценностных ориентаций и установок, а также членство в общественных организациях, участие в деятельности НКО и гражданских инициативах. В табл. 3 приведены средние предельные эффекты (APE – average partial effects), рассчитанные на основе шести бинарных логит-регрессий. Они показывают, на сколько процентных пунктов (п.п.) в среднем меняется вероятность включения индивида в данную практику при единичном изменении той или иной независимой переменной при условии, что все остальные независимые переменные остаются неизменными.

Таблица 3

Гетерогенность участников разных практик: результаты регрессионного анализа

Независимые переменные	РСБО	«Пакеты– упаковки»	Передача вещей	Экономия воды, электроэнергии	«Продуктов равно»	Отказ от лиш- них покупок
<i>Готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, если интересы совпадают</i>						
Безусловно/скорее готовы	0,080*** (0,021)	—	0,091*** (0,025)	—	—	—
<i>Членство в общественных организациях, участие в деятельности НКО, гражданских инициативах</i>						
Есть хотя бы в одной	0,035** (0,015)	0,041*** (0,014)	0,154*** (0,022)	0,061*** (0,023)	0,056** (0,024)	0,033* (0,018)
<i>Включают в ядро важнейших жизненных ценностей (не более 5 из 15) ценности:</i>						
Надындивидуального характера (от 1 до 3)	0,038** (0,015)	0,052*** (0,014)	0,086*** (0,022)	0,037* (0,021)	—	—
Индивидуалистические ценности (от 1 до 3)	-0,045*** (0,016)	—	—	0,147*** (0,023)	0,085*** (0,028)	—
<i>Социально-демографические характеристики и образование</i>						
Пол: женщины	0,037** (0,015)	0,031** (0,014)	0,172*** (0,020)	0,058*** (0,020)	0,109*** (0,022)	0,065*** (0,018)
Образование: вуз	—	0,033** (0,014)	—	—	—	0,034* (0,019)
Возраст (лет)	—	—	—	0,003*** (0,001)	0,003*** (0,001)	—
<i>Личный доход в предыдущем месяце: не более 10 тыс.руб. – база</i>						
10,1–20 тыс. руб.	—	—	—	—	—	—
20,1–30 тыс. руб.	—	—	—	—	—	—
Более 30 тыс. руб.	—	—	—	—	—	—
Не было дохода	-0,073** (0,033)	-0,086*** (0,029)	-0,120** (0,050)	—	—	-0,072* (0,040)
Отказ от ответа о доходе	-0,062** (0,027)	-0,080*** (0,026)	—	—	—	-0,055* (0,033)
<i>Тип населенного пункта: село – база</i>						
Москва	-0,060** (0,030)	—	—	0,100** (0,049)	0,197*** (0,053)	—
Другие города-миллион- ники	0,105*** (0,036)	0,102*** (0,031)	—	0,145*** (0,036)	0,131*** (0,042)	0,073** (0,035)
Города от 500 тыс. до 1 млн	0,052* (0,029)	—	—	0,126*** (0,038)	0,066* (0,040)	—
Города от 100 до 500 тыс.	—	0,044* (0,023)	—	0,112*** (0,034)	0,096*** (0,036)	—
Города менее 100 тыс. и ПГТ	-0,048** (0,019)	—	0,081*** (0,029)	0,104*** (0,027)	0,149*** (0,029)	—
Число наблюдений	2000	2000	2000	2000	2000	2000
Вероятность > хи-квадрат	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
Pseudo R ²	0,1186	0,0643	0,0785	0,0813	0,0519	0,0372

Примечания. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки. Регионы (8 федеральных округов) контролируются.

«—» – незначимые в данной модели переменные.

Во все практики с большей (хотя и различной) вероятностью включаются женщины. В наибольшей степени это характерно для передачи вещей (вероятность участия женщин на 17,2 п.п. выше по сравнению с мужчинами) и бережного обращения с продуктами питания (на 10,9 п.п.), а в наименьшей – для «пакетно-упаковочной экономии» и РСБО (на 3,1 и 3,7 п.п. соответственно). Таким образом, гипотеза Н5 в этой части не отвергается. Женщины – не только активнее мужчин участвуют в этичных покупках (см., напр.: [Olli et al., 2001; Diamantopoulos et al., 2003; Lee, 2009; Starr, 2009; Шабанова, 2019]), но и активнее включаются во все без исключения практики, прямо или косвенно ослабляющие мусорную проблему, включая РСБО. Наличие *высшего образования* положительно связано с вероятностью участия лишь в «пакетно-упаковочной экономии»: будучи более информированными о мусорной проблеме, лица с высшим образованием лучше осведомлены и об уровне развития инфраструктуры для РСБО, выбирая более приемлемый способ участия.

Значимая положительная, но так же неодинаковая для разных практик связь наблюдается между вероятностью вхождения в них и членством в общественных организациях, участием в деятельности НКО, в гражданских инициативах и движениях. Так, по сравнению с теми, кто не проявляет общественную активность, вероятность включения в РСБО тех, кто ее проявляет, выше на 3,5 п.п., а в случае передачи ненужных вещей или предметов в хорошем состоянии другим людям – на 15,4 п.п. Значимо дифференцируют участников разных практик *ценностные ориентации и установки*. Лица, готовые объединяться с другими, если их интересы и цели совпадают, включаются в РСБО и передачу вещей с большей вероятностью (на 8,0 и 9,1 п.п. соответственно). Участниками последних, как, впрочем, и «пакетно-упаковочных» практик, чаще становятся лица, включающие в ядро важнейших (не более 5 из 15) какие-либо ценности *надындивидуального* характера (благополучие всех людей и природы; гордость за Россию как Родину, ее мощь и процветание; помощь нуждающимся). У тех же, кто отводит ключевую роль *индивидуалистическим* ценностям (материальный достаток, личная безопасность, своя и близких, получение удовольствий, наслаждение жизнью), напротив, выше вероятность участия в экономии энергии/воды и бережном отношении к продуктам питания (на 14,7 и 8,5 п.п. по сравнению с базовой группой) (гипотеза Н2 не отвергается).

Во всех практиках (за исключением «передачи вещей») с большей вероятностью участвуют жители *городов-миллионников* (без Москвы) по сравнению с жителями *сел*. Так, при прочих равных вероятность их участия в РСБО и в «пакетно-упаковочной экономии» выше соответственно на 10,5 и 10,2 п.п., а в экономии электроэнергии/воды и бережном отношении к продуктам питания и того больше (табл. 3). Жители Москвы с большей вероятностью включаются лишь в последние две практики, а вот в сфере РСБО они даже менее активны (вероятность участия на 6,0 п.п. ниже, чем у селян), что вполне ожидаемо, если учесть, что в рейтинге самых удобных городов для РСБО (Гринпис России, более 160 городов с населением от 100 тыс. чел.) Москва заняла лишь 52-е место (2018)⁴. Не отличаются москвичи от селян и по участию в «пакетно-упаковочной экономии», хотя, скорее, по разным причинам (удобство vs экономия). Так что гипотеза Н4 отчасти не подтверждается.

Что касается личного дохода индивидов в предыдущий месяц, то между ним и вероятностью участия в разных практиках, включая передачу вещей, значимой связи не обнаружено (гипотеза Н3 не подтверждается). Однако две группы значимо отличаются от базовой – с личным доходом не более 10 тыс. руб. (прожиточным минимумом на момент опроса). У представителей первой в предыдущем месяце вообще не было дохода. Вполне ожидаемо, что люди, находящиеся в стесненном и нестабильном материальном положении (каких в этой группе немало), проявляют к просоциальным практикам (РСБО, «пакеты-упаковки», передача вещей) еще меньший интерес, чем люди с доходом не выше прожиточного минимума, как и то, что они не отличаются от последних по участию в сберегающих доходы практиках (экономия энергии и/или воды, бережное отношение к продуктам питания, отказ от лишних покупок).

⁴Рейтинг: самые удобные города для раздельного сбора // Greenpeace. 2018. 31 января. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2018/0131-rating-rso-2018/> (дата обращения: 11.03.2019).

Сложнее объяснить позиции второй группы – лиц, которые отказались давать ответ о величине личного дохода. По сравнению с базовой группой вероятность их включения в РСБО и «пакетно-упаковочные» практики на 6,2 и 8,0 п.п. ниже, а во все остальные практики примерно такая же, как в базовой группе. Однако эта группа может включать как высокодоходных граждан, так и тех, кто стыдится низких доходов или попросту не хочет контактировать по этому вопросу. В нашем случае есть основания рассчитывать на неоднородный состав группы с перекосом в сторону более обеспеченных. Так, среди отказавшихся говорить о своем доходе выше доля лиц с материальным статусом семьи выше среднего (37 против 8% в базовой группе и 29% по массиву в целом), в то время как доля лиц с материальным статусом семьи ниже среднего, напротив, ниже (15 против 56% в базовой группе и 25,5% по массиву в целом). Заметная часть в этой группе – предприниматели и руководители высшего звена или подразделений (15 против 2% в базовой группе и 8% по массиву в целом). В этой части гипотеза НЗ нуждается в дальнейшем тестировании.

В целом можно заключить, что современное пространство практик, так или иначе способствующих ослаблению мусорной проблемы, весьма разнородно как по составу участников, так и по мотивам включения. Нет оснований ожидать, что участие в одних практиках само по себе сокращает расстояние до других. Каковы же позиции участников разных практик в отношении РСБО как самой эффективной практики по ослаблению мусорной проблемы?

Позиции в отношении РСБО участников разных практик весьма различны (табл. 4). Больше всего *реальных* и *потенциальных* участников РСБО среди тех, кто реализует этические модели поведения в обращении с *одноразовыми пакетами и упаковками*. Среди них же наименьшая доля *индифферентных* к РСБО (52–54% против 61–67% в других группах).

Таблица 4

Позиции в отношении РСБО участников/неучастников* разных практик
(в % по строке)

Практики	Позиции в отношении РСБО			Всего
	реальные	потенциальные	индифферентные	
«Пакеты–упаковки»	21/12	26/18	53/70	100/100
«Передача вещей»	18/9	21/18	61/73	100/100
Экономия электроэнергии и/или воды	12/14	21/14	67/72	100/100
«Покупка продуктов так, чтобы не выбрасывать»	13/13	20/18	67/69	100/100
Отказ от лишних покупок	17/12	20/19	63/69	100/100
В целом по массиву	13	19	68	100

Примечание. *Здесь и в табл. 5 доля участников выделена полужирным, неучастников – курсивом.

Участники большинства практик более активно по сравнению с неучастниками как уже погружены в РСБО, так и заявляют о намерениях сделать это в ближайшие год-два. Исключение – бережное обращение с продуктами питания, различия между участниками и неучастниками которого в отношении РСБО статистически не значимы. По-видимому, эта практика имеет сильные культурные основания, укорененные в памяти россиян как старшего, так и среднего возраста (военное детство, советский дефицит, реформы 1990-х гг. и пр.). В ряде групп они перевешивают экономические и/или экологические основания. Кроме того, участники этой практики, как и экономии электроэнергии/воды, настроены весьма индивидуалистически (табл. 3), что также сказывается на их позициях в отношении РСБО.

В мотивах включения (продолжения участия) в РСБО у участников всех без исключения практик проэкологические и просоциальные мотивы с большим перевесом

опережают индивидуалистические мотивы (экономические и неэкономические): 72–88% против 11–14%. На общем фоне вновь выделяются участники «пакетно-упаковочных» практик. Уступая по компонентам «зеленого морального индекса» лишь нынешним участникам РСБО (80 против 88%), они превосходят как последних, так и участников всех остальных видов активности по той роли, которую придают вере в то, что их усилия не напрасны, и они могут влиять на решение важной проблемы (36 против 20–24%).

Участники разных практик предъявляют схожие запросы на условия своего включения (продолжения участия) в РСБО (табл. 5). На первом месте установка контейнеров для раздельного сбора мусора вблизи дома, далее с большим отрывом – наличие уверенности в том, что раздельно собранный мусор пройдет вторичную переработку, будет своевременно и правильно вывезен, а также приемлемое время на доставку мусора в специальные пункты или раздельные контейнеры и пр. Участники «пакетно-упаковочной экономии», акцентирующие важность эффективности своих усилий, чаще других указывают на наличие хорошо отлаженной системы переработки (своевременный вывоз, правильная вторичная переработка). В целом участники всех без исключения практик по сравнению с их неучастниками предъявляют более высокие запросы на условия своего включения в РСБО (табл. 5). Можно предположить, что они в отличие от неучастников хотя бы смотрят в сторону РСБО, «взвешивая» условия своего вхождения в эту практику. Самые консервативные позиции в отношении РСБО – у лиц, которые в настоящее время не экономят электроэнергию или/и воду: каждый пятый из их числа не согласен участвовать в РСБО ни при каких условиях.

Таким образом, наибольшее «перетекание» в РСБО можно ожидать из наиболее близких к нему «пакетно-упаковочных», а также просоциальных практик («передача

Таблица 5

Условия включения (продолжения участия) в РСБО участников/неучастников разных практик
(в % по столбцу)

Условия участия/включения	РСБО	«Пакеты–упаковки»	Передача вещей	Экономия ресурсов	«Продуктов равно»	Отказ от лиш-них покупок	Всего
Установка контейнеров для раздельного сбора мусора вблизи дома	79/67	76/68	77/64	75/55	73/65,5	77/67	69
Уверенность в том, что раздельно собранный мусор пройдет вторичную переработку	30/26	39/25	35,5/21	30/19	31/23	30/26	26
Организация своевременного и правильного вывоза мусора	20/19	32/17	26/14	23/10	21/17	22/18	19
Приемлемое время на доставку мусора в спец. пункты или раздельные контейнеры	20/16	22/16	22/13	18/13,5	20/14	18/16	17
Наличие информации о том, куда можно отвезти раздельно собранный мусор	15/16	23/15	19/14	17/13	20/12,5	18/15	16
Участие большинства соседей в раздельном сборе мусора	17/22	19/12	17/10	15/7	15/11	15/12	13
Введение штрафов или дополнительной платы за отказ от сортировки мусора	13/10,5	18/10	12,5/10	12/8,5	13,5/9	12/11	11
Ни при каких условиях	7/14	5/14	7,5/16	9/21	10/15	8/14	13

Примечание. N = 2000 чел. Ответы упорядочены по итоговому столбцу.

вещей»), в то же время участники именно этих практик предъявляют наиболее высокие запросы на условия своего вхождения в РСБО.

Выводы и заключительные соображения. Ослаблению мусорной проблемы способствуют самые разные социально-экономические практики домохозяйств, в том числе и такие, которые участники прямо не связывают с ней. Практики, движимые экономическими мотивами, сегодня являются самыми распространенными (экономия электроэнергии и воды), а проэкологическими и просоциальными – самыми перспективными (РСБО как практика с самым высоким коэффициентом замещения). Разные виды активности привлекают разные группы населения в неодинаковой мере. Гетерогенность участников акцентирует важность реализации комплексной политики по решению проблемы бытового мусора, расширяющей приемлемые каналы вхождения со стороны разных групп, а также увязку такой политики с другими видами социально-экономической политики. Слабым звеном, наряду с РСБО, выступают и весьма доступные уже сегодня практики «пакетно-упаковочной экономии». На фоне низкой вовлеченности они имеют самые низкие коэффициенты стабильности. Между тем их развитие содействовало бы как существенному снижению объемов бытовых отходов, так и изменению их структуры.

Разнородность современного пространства практик вокруг мусорной проблемы как по составу участников (социально-демографические характеристики, поселенческий статус, ценностные ориентации и установки и др.), так и по мотивам включения (эгоистические и/или альтруистические) указывает на то, что нет оснований ожидать, что включение в одни само по себе заметно укорачивает расстояние до других. Для этого необходима реализация дополнительных мер – просветительно-информационных, инфраструктурных, институциональных. Накопленное научное знание указывает на важность дифференциации этих мер в зависимости от триггеров включения (невключения) в первоначальную практику, ее относительной сложности и схожести с последующими практиками [Truelove et al., 2014; Lauren et al., 2017; Thøgersen, Crompton, 2009; Nilsson et al., 2017 и др.]. Применительно к мусорной проблеме это, в частности, означает, что внешнее принуждение, скажем, к экономии воды (установка счетчиков воды), с акцентом на эффекты экономии на коммунальных платежах (как это было в России) может подтолкнуть к приложению логики сопоставления выгод и издержек при включении и в последующие виды проэкологического поведения. А информирование потребителей о положительном воздействии их поведения на окружающую среду, выражение благодарности им как ответственным гражданам (в противовес акцентам на чувствах вины или страха) способны усилить экологическую идентичность и активизировать включение в другие виды проэкологического поведения.

РСБО как стержневой способ действий по ослаблению мусорной проблемы в настоящее время продвигается преимущественно проэкологическими и просоциальными стремлениями, причем со стороны участников не только РСБО, но и всех остальных практик. Однако участники последних по сравнению с неучастниками, как правило, демонстрируют не только более высокий уровень реального включения (или готовности включиться) в РСБО, но и предъявляют более высокие запросы на условия вхождения в данную практику. Не исключено, что создание необходимых институционально-инфраструктурных условий для РСБО со временем способно усилить значимость проэкологических и просоциальных мотивов и во включении в практики, продвигаемые ныне сугубо эгоистическими стремлениями.

Выявленная фрагментарность современного пространства практик, как и степень и условия их пересечения с РСБО, свидетельствуют о продуктивности будущих исследований, наряду с институционально-инфраструктурными аспектами проблемы, социальных и социально-психологических механизмов и триггеров положительного и отрицательного перетекания (spillover effects) разных практик и учета характера взаимосвязи между ними при разработке комплексной политики по ослаблению мусорной проблемы в России.

В центре нашего внимания находился лишь один (хотя и самый массовый) актор – население (домохозяйства). Дальнейший мониторинг его участия в ослаблении мусорной проблемы в России имеет самостоятельное значение. Однако запросы этого актора на

развитие институциональной и инфраструктурной среды как условия его вхождения в РСБО свидетельствуют о том, что решение этой проблемы зависит от объединения усилий акторов разных уровней и типов (власти, бизнеса, НКО, независимых СМИ и пр.), так что характер и динамика взаимодействий между ними также требуют специального изучения. В то же время, учитывая сильное погружение мусорной сферы в неправовое поле, не будет преувеличением заключить, что как бы ни менялись установки и действия населения в отношении связанного с ней комплекса проблем, кардинальное продвижение в ее решении в первую очередь зависит от наличия политической воли по декриминализации сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2002. [Baudrillard J. (2002) *The System of Objects*. Moscow: Rudomino. (In Russ.)].
- Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000. [Ilyin V.I. (2000). *Consumer Behavior*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)]
- Шабанова М.А. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. 2019. № 3. (В печати). [Shabanova M. (2019) *Separate Waste Collection in Russia: the Level, Factors, and Potential for Citizens' Engagement*. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3. (Article in press.) (In Russ.)]
- Arbués F., Villanúa I. (2016) Determinants of Behavior toward Selective Collection of Batteries in Spain. A Bivariate Probit Model. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 106: 1–8.
- Beck U. (2001) Interview. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 1. No. 2: 261–277.
- Berglund C. (2006) The Assessment of Households' Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics*. Vol. 56. No. 4: 560–569.
- Diamantopoulos A., Schlegelmilch B., Sinkovics R., Bohlen G. (2003) Can Sociodemographics Still Play a Role in Profiling Green Consumers? A Review of the Evidence and an Empirical Investigation. *Journal of Business Research*. Vol. 56. No. 6: 465–480.
- Etzioni A. (2003) Toward a New Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*. Vol. 1. No. 1: 105–118.
- Iyer E.S., Kashyap R.K. (2007) Consumer Recycling: Role of Incentives, Information, and Social Class. *Journal of Consumer Behaviour*. Vol. 6. No. 1: 32–47.
- Hornweg D., Bhada-Tata B.P. (2012) *What a Waste: A Global Review of Solid Waste Management*. Urban Development Series. World Bank. No. 15.
- Lauren N., Smith L.D.G., Louis W.R., Dean A.J. (2017) Promoting Spillover: How Past Behaviors Increase Environmental Intentions by Cueing Self-Perceptions. *Environment and Behavior*. (Article in press.)
- Lee K. (2009). Gender Differences in Hong Kong Adolescent Consumers' Green Purchasing Behavior. *Journal of Consumer Marketing*. Vol. 26. No. 2: 87–96.
- Kirakozian A. (2016) The Determinants of Household Recycling: Social Influence, Public Policies and Environmental Preferences. *Applied Economics*. Vol. 48. No. 16: 1481–1503.
- Miafodzyeva S., Brandt N. (2013) Recycling Behaviour among Householders: Synthesizing Determinants Via a Meta-analysis. *Waste and Biomass Valorization*. Vol. 4. No. 2: 221–235.
- Nilsson A., Bergquist M., Schultz W.P. (2017) Spillover Effects in Environmental Behaviors, Across Time and Context: a Review and Research Agenda. *Environmental Education Research*. Vol. 23. No. 4: 573–589.
- Olli E., Grendstad G., Wollebaek D. (2001) Correlates of Environmental Behaviors: Bringing Back Social Context. *Environment and Behavior*. Vol. 33. No. 2: 181–208.
- Sayer A. (2007). Moral Economy as Critique. *New Political Economy*. Vol. 12. No. 2: 261–270.
- Starr M.A. (2009). The Social Economics of Ethical Consumption: Theoretical Considerations and Empirical Evidence. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 38. No. 6: 916–925.
- Thøgersen J., Crompton T. (2009) Simple and Painless? The Limitations of Spillover in Environmental Campaigning. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 32: 141–163.
- Thøgersen J., Olander F. (2003) Spillover of Environment-friendly Consumer Behavior. *Journal of Environmental Psychology*. 23: 225–236.
- Trentmann F. (2007) Citizenship and Consumption. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 7. No. 2: 147–158.
- Truelove H.B., Carrico A.R., Weber E.U., Raimi K.T., Vandenbergh M.P. (2014). Positive and Negative Spillover of Pro-environmental Behavior: An Integrative Review and Theoretical Framework. *Global Environmental Change*. Vol. 29: 127–138.

Статья поступила: 15.01.19. Принята к публикации: 4.03.19.

CITIZENS' SOCIO-ECONOMIC PRACTICES AS A RESOURCE TO ALLEVIATE THE WASTE ISSUE IN RUSSIA

SHABANOVA M.A.

National Research University «Higher School of Economics», Russia

Marina A. SHABANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Leading Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia (mshabanova@hse.ru).

Abstract. Drawing upon an All-Russia Representative Survey (2017, N = 2000), this paper is the first to present the data on the actual and potential involvement of the population in separate collection of household waste (currently a purely voluntary practice) as well as in various socio-economic practices aiming to reduce (directly or indirectly) the generation of waste. These practices include a reduced use of plastic bags; the purchase of goods in recyclable/dissolvable packaging, with minimum or without any packaging at all; donating unnecessary items in good condition to others; buying exactly the amount of food that is needed so as not to throw away the excess; avoiding excessive consumption or buying items that are not really necessary; reducing energy and water consumption. Various practices are shown to appeal differently to different groups of Russians. A binary logit regression model is applied to assess the connection between involvement of individuals in various practices and their socio-demographic characteristics, education, income, type of the population center, specific value orientations as well as membership in associations, participation in NPOs and civic initiatives. The study uncovers positions with regard to separate collection of household waste (a key practice to alleviate the waste issue) held by participants (and nonparticipants) in other socio-economic practices. The identified fragmentary nature of the present-day array of practices aiming to alleviate the waste issue in Russia as well as the degree and conditions of their intersection with separate collection of household waste underscore the importance of developing a more comprehensive policy in this sphere that would expand entry channels and possibilities for various population groups.

Keywords: waste issue, civil society, consumers' environmental and social responsibility, pro-environmental behavior, separate collection of household waste, socio-economic practices.

Received: 15.01.19. Accepted: 4.03.19.